

ТЕРРОРИЗМ XXI ВЕКА: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Бодрова Юлия Владиславовна,

*аспирант факультета гуманитарного образования
Новосибирского государственного технического университета,
Россия, 630073, Новосибирск, пр. К. Маркса, д. 20
czczar2010@yandex.ru*

Аннотация

В публикации затрагивается проблема современного терроризма, которая привлекает внимание исследователей уже несколько десятилетий. Число тер-актов с каждым днем становится всё больше. Несостоятельность контртеррористической деятельности вызвана прежде всего непониманием сущности этого социального явления. Привычное оценивание тех или иных действий с позиции «хорошо» или «плохо» уводит исследователей от понимания глубинных причин происхождения феномена. Особое внимание автор обращает на то, что терроризм в своей основе является комплексным феноменом, включающим в себя элементы других, близких ему явлений. В публикации проведен комплексный междисциплинарный анализ феномена терроризма, позволивший выделить его отдельные стороны и показать их взаимосвязь. Прослежена аналогия терроризма и таких явлений, как террор, война и экстремизм. Использование междисциплинарного анализа позволило расширить понимание «насилия двадцать первого века» без демонизации его главных акторов. В статье особое внимание уделяется проблеме взаимного влияния средств массовой информации и террористических организаций. Возможно ли существование терроризма вне рамок СМИ? Данный вопрос затрагивает огромный пласт современных проблем – от этики журналистов до легитимности ограничения в пользовании сети Интернет. Ответы на поставленные вопросы помогут взглянуть на терроризм не просто как на негативное явление современности, а как на автономное социальное символическое пространство, существующее в контексте глобализации.

Ключевые слова: международный терроризм, насилие, СМИ, глобализация, экстремизм, антитеррористическая деятельность.

Библиографическое описание для цитирования:

Бодрова Ю.В. Терроризм XXI века: актуализация проблемы в контексте глобализации // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 2. – С. 310–329. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-310-329.

«...искоренение его [терроризма] как объективного зла – полная иллюзия, поскольку терроризм, как он есть в своей абсурдности и своей бессмысленности, является осуждением и приговором, который это общество само себе и выносит».

Жан Бодрийяр. «Дух терроризма. Войны в Заливе не было»

Введение

В двадцать первом веке трудно представить себе человека, который ни разу в своей жизни не сталкивался с информацией о совершенных терактах, пойманных террористах, погибших мирных гражданах, взрывах, диверсиях, смертниках. Всё то, что составляет наше понимание такого явления, как терроризм, очень сложно уместить в одно предложение. Несмотря на практически ежедневное муссирование в СМИ проблемы современного терроризма, его сущность остается для нас тайной, что делает неэффективной какую-либо борьбу с ним. Также осложняет антитеррористическую деятельность довольно широко распространенное мнение, согласно которому терроризм трактуется как продукт *исключительно* исламского происхождения [30]. Такая трактовка не просто заблуждение, а вердикт с опасными последствиями. Во-первых, укоренение данной позиции провоцирует возникновение экстремистских взглядов, превращая терроризм в религиозную концепцию, что может приводить к вспышкам насилия по отношению к мусульманским общинам только из-за их религиозной принадлежности [34]. А во-вторых – некоторые террористические акты, совершенные не исламистами, могут остаться незамеченными. Поэтому одной из главных проблем терроризма в XXI веке становится вопрос о его восприятии [16].

Проблемой современного мирового терроризма уже длительное время занимается ООН. Целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий состоит из 38 (!) международных структур и Интерпола. ООН проводит заседания Советов Безопасности, международные конференции, главной темой которых всё чаще становится возросшая за последнее время террористическая активность. 15 июня 2017 года было учреждено Контртеррористическое управление ООН [11]. Актуализация данной проблемы привела к формированию огромного международного аппарата, включенного в борьбу с террористической деятельностью. Постоянное информационно-технологическое развитие социума требует подготовки специалистов в области ИТ, занимающихся информационной безопасностью на международном уровне. Парадигма внутренней безопасности обусловлена введением более строгих законов, а также увеличением властных полномочий во многих странах [31]. Терроризм становится одной из важ-

ных проблем социально-гуманитарных наук, которые сосредоточиваются на изучении его природы.

Целью статьи является выявление тех факторов, которые в своей совокупности порождают данное явление. При этом автор не смог избежать проведения собственной дополнительно к существующим экспликации самого понятия. Подобный подход в изучении терроризма требует не только определения факторов и элементов, входящих в состав терроризма как вида социального действия, но и обозначения границ действия каждого из этих элементов. Терроризм основан на насилии, манипуляции, демонстрации, что присутствует в таких негативных явлениях современности, как преступность, войны или экстремизм.

Терроризм как научное понятие является достаточно новым, в историографии было принято использовать слово «террор». В некоторых работах понятия «терроризм» и «террор» являются взаимозаменяемыми, т. е. совершенно равными по своему смыслу. Насколько верно отождествлять данные понятия? Можно ли говорить о постепенном складывании *нового вида насилия, опосредованного информацией*, или это лишь «воскресшая форма устаревшего насилия» [2, с. 111]?

Есть несколько версий происхождения слова «террор». По одной из них террор своими корнями уходит к латинскому слову *terror* – «страх», которое происходит от праиндоевропейского глагола со значением «трясти, сотрясать». Согласно другой версии возникновение этого понятия относится к Ассирийской империи, которая долгое время держала в страхе народы Передней Азии [5, с. 34]. Обе версии выделяют *страх* как главную составляющую террора.

Впервые само понятие используется в историографии для определения якобинской диктатуры во времена Французской революции [15]. Главным проповедником террористических методов в годы революции считался Максимилиан Робеспьер, который видел в терроре «правосудие – незамедлительное, суровое и негибкое». Террор XVIII века стал следствием развития идей Просвещения и рационализма. В России террор как средство политического давления был известен еще в XIX веке. Его использовали различные радикальные группировки с целью воздействия на правящие круги посредством запугивания. Вследствие этого жертвами чаще всего становились политические деятели, чиновники и представители царской династии. В начале XX века на отечественную историческую арену вышел красный и белый террор [26]. Многие словари подчеркивают политическую природу понятия: *террор как система устрашения политических противников*.

Исследователи выделяют внутренний и внешний террор. В первом случае субъектом насилия выступает государство и террор проявляется в

осуществлении смертной казни и *политических убийствах*. В случае внешнего террора государство становится источником насилия уже по отношению к другому государственному образованию [33]. Главным словообразующим отличием понятий «терроризм» от «террор» является суффикс *-изм*, который при добавлении к существительному (террор) придает ему значение общественно-политического или научного течения, направления мысли, доктрины [8]. По своей сущности террор – это крайняя степень *жестокости и насилия*, направленного против политических противников [17]. В этом смысле *террор выступает как средство достижения конкретных политических целей*, что определяет его «местный характер» [13]. В свою очередь, терроризм – это *целостная система*, имеющая свои элементы, специфические черты и формы, представители которой находятся в определенных иерархических отношениях друг с другом. И террор, и терроризм используют *насилие* в качестве своего основного оружия.

Интерпретация терроризма в социально-гуманитарных науках

Терроризм как комплексное явление, имеющее свои причины, формы и цели, исследуется в правовом, политическом, психологическом, историческом и философском аспектах [12].

Анализируя проблему терроризма, исследователи выделяют три основных подхода в западной науке относительно понимания природы данного феномена. Первый подход называют *исследовательским*, т. е. осуществляемым академическим сообществом. Согласно этому подходу терроризм имеет ряд первопричин, которые и становятся главным предметом научных изысканий. Второй подход – *практический*, используемый правительствами многих стран и органами безопасности. С точки зрения практики терроризм не всегда обусловлен объективными причинами и чаще всего является следствием намерений экстремистов и фанатиков разрушить порядок и повлиять на законную власть [16]. Последователи *критического подхода* отвергают прозападные убеждения и подчеркивают значение террористической деятельности США и их союзников, выступая против игнорирования государственного терроризма.

Формирование различных подходов к проблеме терроризма детерминировано различием практик в борьбе с терроризмом среди разных социальных групп. Действия государственной власти и правоохранительных органов определяются их главной функцией – защитой прав и свобод человека. Западная политическая мысль зародилась еще в эпоху Просвещения, благодаря чему произошло постепенное смещение авторитарной позиции в сторону гражданской. Именно государство (суверен) считается главным гарантом безопасности и спокойствия своих граждан. Баланс силы государства и свободы граждан защищает «общественный договор»,

и дисбаланс может разрушить этот хрупкий мир. Подобный «просветительский» взгляд на антитеррористическую политику объясняет чрезвычайную активность и заинтересованность государства в борьбе с терроризмом. При этом следует отметить, что роль права как главного рычага антитеррористической политики является неоднозначной: антитеррористическое законодательство в большей мере ограничивает жизнедеятельность самого общества [22].

По юридическому (политико-правовому) толкованию того или иного действия определяются внешние границы, когда деяние становится преступлением, с целью своевременного наложения санкций. Юридическая наука трактует понятие «терроризм» в широком смысле: как политику и практику террора, вид насильственной преступности. Законодательство Российской Федерации описывает данное явление как непосредственное насилие (или угрозу его применения) в отношении физических лиц или организаций, а также любое повреждение (или уничтожение) имущества и материальных объектов, создающее опасность гибели многих людей. Ключевым критерием относительно признания того или иного случая террористическим актом является совокупность нескольких условий. Терроризм – это прежде всего *насилие* совершенное или угроза его совершения. Именно насилие приводит к разрушительным последствиям и гибели людей. Терроризм в любой форме преследует цель – нарушение общественной безопасности, что приводит к устрашению населения и его дезорганизации. Таким образом, терроризм является способом *манипуляции*, оказывающей сильное воздействие на принятие решений органами власти, в интересах преступников.

Насилие, страх и манипуляция – главные составляющие терроризма. Юридическая наука уделяет недостаточное внимание вопросам, связанным с демонстрацией террористического акта и работой СМИ во время происшествия, потому что в данном случае основная задача юриспруденции – это определение терроризма как преступления через раскрытие содержания правового понятия данного явления [12]. Дж. Уайт подчеркивает, что главная проблема с юридическим определением терроризма состоит в том, что оно не объясняет его социальные и политические причины [15]. Насилие, осуществляемое во время террористических актов, следует рассматривать как результат различных социальных, политических и информационных факторов, лежащих вне узких ограничений правовых норм и внешней политики [Там же].

В политологических исследованиях терроризм представлен как определенный тип политической коммуникации, отличительными чертами которого являются насилие, отсутствие организации (или профессиональной подготовки, характерной для войны), политический характер «сооб-

щения» и направленность на широкую аудиторию. Существует мнение, что терроризм как метод политического действия используется теми группами (национальными, религиозными, политическими), которые в силу определенных обстоятельств не могут добиться своих целей законным путем. Это так называемая «сила слабых» [6, с. 563]. В некоторых исследованиях приводят классификацию терроризма, выделяя его основные виды. Первым видом считается *оппозиционный*, получивший распространение в национально-освободительных движениях (фундаменталисты Египта и Алжира, движения в Палестине, Ирландии, Испании, Индии). Второй вид – это *глобальный* терроризм, направленный на весь мир (события 11 сентября 2001 года). К третьему виду относят мессианский терроризм, вдохновляемый религиозными убеждениями («Аум Синрикё»). Четвертый вид – это *государственный* терроризм и геноцид [3, с. 80–81]. Каждый вид террористической деятельности есть выражение различных мотивов. Для оппозиционеров главным фактором может выступать несправедливость со стороны властей. «Террористы-освободители» часто воспринимаются местным населением как герои, которые пытаются победить в неравной войне с незаконной властью. Сами члены террористической организации имеют конкретную локальную цель в отличие от глобального терроризма, который существует вне политических границ.

Противостояние богатого Севера и бедного Юга – основа геополитической теории «столкновения цивилизаций». Проблема терроризма в геополитике имеет ряд особенностей. Геополитика рассматривает данное явление в контексте дуализма, признавая существование мирового баланса в виде двух полярных субъектов мировой политической истории – атлантизма и евразийства. Терроризм как политическое оружие используется в интересах одного против второго. После падения Советского Союза мировой баланс был нарушен и огромная сила, которую использовали США против коммунистической угрозы на Востоке, в лице исламских радикалов оказалась свободной и выступила против своих создателей. По мнению А.Г. Дутина, произошла мутация террора, при которой в однополярном мире с одним центром силы появился симметричный ему фактор влияния – «международный терроризм».

Геополитический дисбаланс из-за развития однополярных тенденций, глобализация и ее последствия – плодородная почва для формирования нового типа международного терроризма как самостоятельной социально-политической и цивилизационной категории [6]. Однако не все исследователи разделяют концепцию «столкновения цивилизаций». Действительно, существует некоторый перечень социальных проблем, которые мотивируют терроризм, такие как попытка «возглавить» глобализацию путем устранения особенностей национальных культур, политические пробле-

мы, нищета и многое другое [9]. Но существование одной из вышеназванных проблем не может спровоцировать появление терроризма. В концепцию глобализации сложно уместить одиночные террористические акции. Теория «столкновения цивилизаций» в некоторых работах выступает в роли устойчивых политических мифов, другие же исследователи призывают начинать с предпосылок столкновений внутри самих стран западной цивилизации [29].

Терроризм также классифицируют по эффективности и по количеству участников. Эффективный терроризм – это та деятельность, которая в конечном итоге приводит к желаемому для террористов результату: например, деятельность боевиков Чечни или эсеров после первой русской революции 1905 года. К неэффективному терроризму относят деятельность ИРА, ЭТА, Курдской рабочей партии [6]. Количественно террористические организации могут быть крупными, их целью является национально-освободительная борьба, или террористы могут работать как одиночки, претворяя в жизнь свои идеологические программы. К террористическим организациям можно отнести некоторые секты, которые в своей манипуляции используют «коллективный гипноз», а также диверсионную деятельность, выражающуюся в противостоянии государству [Там же].

Терроризм принято считать явлением политическим из-за масштабов угрозы, которую террористы представляют для государственной власти. Классификации, разработанные для более глубокого понимания терроризма, не всегда помогают в правильной оценке тех или иных действий. Терракты в Норвегии в 2011 году, осуществленные Андерсом Брейвиком, норвежским националистом, классифицируются как теракты, совершенные одиночкой. При этом умалчиваются факты взаимодействия преступника с различными националистическими группировками, члены которых были осведомлены о возможном совершении теракта. Насколько преступные действия можно назвать одиночными, когда преступный замысел формировался на благоприятной почве фундаментализма?

Глубокий психологический анализ террористической деятельности был дан в работе Фатали Мохаддама «Терроризм с точки зрения террористов». Иранский ученый рассматривает становление особого мировоззрения и образа жизни, которые присущи террористам («лестница терроризма»). С точки зрения террористов, терроризм – это рациональная стратегия решения проблем и принятия политических стратегий. В спектр интересов психологов попадают не только личности террористов с их внутренними проблемами и индивидуальными характеристиками. Исследователей также интересует формирование специфических

внешних условий, которые оказывают влияние на будущего террориста. Говоря о различных теориях, используемых в науке для изучения терроризма (иррационализм, депривация, теория справедливости, теория управления страхом и т. д.), Ф. Мохаддам видит «сверхважный фактор», объясняющий терроризм, – *социокультурную идентичность* и ее глубокий кризис в исламском сообществе [14, с. 56].

«Процесс перехода от локальной идентичности к более глобальной составил несколько веков и привел к образованию западных обществ» [Там же, с. 63]. В развивающихся странах этот процесс происходит быстро с давлением извне, что создает огромное напряжение и конфликты. Именно в контексте этой напряженности следует рассматривать эволюцию терроризма [10, с. 64]. Западный образ жизни и специфическое для многих стран мировоззрение проникают во все уголки земного шара с помощью СМИ, распространяя новые идеалы среди мужчин и женщин, идеалы, которые не вписываются в традиционное понимание многих народов. Невозможность соответствия (проблема «хорошей копии») вызывает внутреннее напряжение. Выпуск социального «пара» путем переориентации недовольства на внешний **объект** способствует сплоченности и распространению влияния радикальных элит в мусульманском мире [4, с. 9]. «Лестница терроризма» – это трансформация идентичности [14].

Терроризм рождается из совершенного (или возможного) насилия. Смерть является демонстративным способом воздействия и манипулирования различными государственными и негосударственными структурами посредством страха. Кроме того, основанием для возникновения терроризма становятся специфическая идеология и политика, затрагивающие идентичность каждого члена террористической группы. Определяя современный терроризм как явление, можно выявить его функциональную схожесть с жертвоприношениями в первых человеческих сообществах. И первое, и второе дает насильственное освобождение от напряжения в социальном поле [2]. Но, в отличие от жертвоприношения, жертвы среди мирного населения во время террористических атак не имеют сакрального характера для самих террористов, напротив, идет полное замещение «человека как личности» на «человека как тело».

Экспликация понятия терроризма

Для выделения специфических характеристик данного феномена следует сравнить его с процессами, прямо или косвенно связанными с терроризмом. Такими близкими «родственниками» можно назвать экстремизм, бандитизм и войну. Экстремизм принято ставить в основу современного терроризма, а бандитизм и война наряду с терроризмом также используют насильственные методы для достижения своих целей. Несмотря на ряд об-

щих черт, вышеперечисленные явления обладают специфическими характеристиками, которые не позволяют ставить знак равенства между ними и терроризмом.

Резолюцией 2003 года Парламентской ассамблеи Совета Европы было принято определение экстремизма как «формы политической деятельности, явно или исподволь отрицающей принципы парламентской демократии и основанной на идеологии и практике нетерпимости, отчуждения, ксенофобии, антисемитизма и ультранационализма» (Резолюция 1344, п. 3). Экстремизм находит свое выражение в приверженности к крайним взглядам и действиям, но следует учитывать нынешний и исторический контекст, называя ту или иную деятельность экстремистской. Несмотря на частое использование насилия некоторыми экстремистскими группировками, существует ряд организаций, использующих ненасильственную тактику. Основная опасность экстремистской деятельности заключается в непоколебимости их нетерпимого характера. Всегда ли экстремизм лежит в основе терроризма? Нельзя однозначно утверждать существование прямой зависимости этих двух явлений. Экстремизм в своем политико-правовом аспекте определяется идеологией группы, т. е. действия экстремистов – это прямое выражение нетерпимости по отношению к различным группам населения. Терроризм не всегда зиждется на ненависти, несмотря на попытки придания террористами своей деятельности идеологического или религиозного оттенка, что ставит в тупик исследователей данного явления. Поэтому понимание мотива действий тех или иных групп должно играть важную роль в анализе современных террористических акций.

Терроризм имеет общие черты с бандитизмом, он также представляет собой специфическую преступную организацию, имеющую четкие границы с остальным обществом. И если бандитизм – это «формирование, распространение и активная деятельность группы лиц для осуществления совместной незаконной деятельности» [8], то терроризм также можно отнести к виду незаконных преступных организаций. Некоторые преступные группировки открыто использовали террористические методы в своей деятельности. Ярким примером этого является террор, чинимый Медельинским кокаиновым картелем во главе с Пабло Эскобаром в Колумбии. Его деятельность была направлена против местного мирного населения в целях запугивания и дальнейшего влияния на правительство Колумбии. Но основное отличие этих двух явлений – мотивы, которые лежат в основе существования преступных организаций. Преступной деятельностью и бандитизмом чаще всего руководит жажда прибыли незаконным путем, когда политические и религиозные мотивы не играют значимой роли.

В.В. Серебрянников, автор книги «Социология войны», в своем выступлении на круглом столе, посвященном терроризму в современной России, подчеркнул сближение явлений терроризма и войны в XXI веке. Суть войны, согласно его интерпретации, состоит в уничтожении потенциала врага и способности его к сопротивлению, а для террористов важнее воздействие на психику масс. Таким образом, терроризм может рассматриваться как война только в контексте психологического и эмоционального воздействия на общество в целом. И первое, и второе явления близки по своему масштабу, при содействии СМИ утрачиваются четкие границы между ними. Хофмайстер в работе «Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат» относит терроризм к разновидности войны. Говоря о террористической войне, автор подчеркивает силу того воздействия, которое она оказывает на общество, вызывая в людях страх, сострадание и даже радость [18, с. 259]. Психологизм терроризма заключается в раскрытии «каждому его собственного человеческого бытия во всей его незащищенности». Определение насилия и его концептуализация всегда связана с контекстом, в котором возникают данные явления. Согласно данной теории террористические акты можно отнести к войне только тогда, когда виновные и пострадавшие приписывают событию такое толкование [23].

Некоторые исследователи не торопятся называть террористическую деятельность войной из-за главного источника насилия: в первом случае им является нелегитимная организация (например, в Ирландии, Колумбии, Африке, на Ближнем Востоке), тогда как вторая (**война**) является прерогативой государств [18]. Подобное понимание терроризма полностью исключает участие государства как основного действующего лица в самом теракте. Событие 1993 года, произошедшее недалеко от города Уэйко, штат Техас, и получившее название «Трагедия в Уэйко», может быть квалифицировано как террористический акт со стороны Национальной гвардии США, инициировавшей осаду ранчо, принадлежавшего членам религиозной секты «Ветвь Давидова». В результате штурма погибло более сотни человек. В этом противостоянии Национальной гвардией, по некоторым данным, был использован слезоточивый газ, вызвавший впоследствии сильнейший пожар. Определяя трагедию в Уэйко как теракт, государство в лице Национальной гвардии является источником неправомерного насилия, но сам штурм носил скорее инструментальный характер, нежели символический. Теракт, в отличие от войны, является именно символическим действием, а не инструментальным, направленным не на физическое уничтожение самого противника в лице представителей власти или армии. Символизм террористического акта определяется масштабом психологического и эмоционального воздействия на общество.

Терроризм и СМИ

Важный фактор – это информационное поле, на котором разворачиваются главные действия террористов. Жан Бодрийяр в работе «Прозрачность зла» подчеркивает, что «новое обличье насилия в форму терроризма произошло из-за общедоступности телевидения» [2]. Терроризм, или «насилие, порожденное сверхсовременностью», индуцируется благодаря существованию телевидения [Там же]. Отношения между СМИ и терроризмом сложные, они имеют последствия. Это извращенный симбиоз (*perverse symbiotic relationship*), когда террористические группы создают зрелище для привлечения внимания, а средства массовой информации транслируют их, стремясь охватить наиболее широкую аудиторию [30].

В то время как СМИ путем распространения информационных и зрелищных событий невольно становятся рупором идеологии терроризма, а насильственный акт, кровавый и жестокий, материализует то чувство страха, тревоги и обеспокоенности, которые в противном случае могли остаться только мысленным образом [20, р. 40, 41]. Тем самым *СМИ становятся целью, средством и в ряде случаев продуктом терроризма*. Теракт не станет таковым, пока не произойдет его освещение в средствах массовой информации. Он осуществляется *в первую очередь* для того, чтобы о нем сообщили в СМИ [25]. И сам терроризм становится важным «информационным поводом».

Террористические атаки, особенно те, которые происходят в крупных городах Европы и США, рассчитаны на внешний эффект, создающий атмосферу страха [7]. В США было проведено исследование, которое касалось анализа освещенности террористических актов в известном издании *New York Times* [34]. Выводы, полученные исследователем, были следующие: большой шанс попасть на первую полосу у терактов с использованием смертников [Там же, р. 42, 43] вне зависимости от числа погибших (число раненых обычно не оказывает никакого влияния). Действительно, в подобных событиях нас шокирует и озадачивает тот факт, что происходящее не соответствует нашему стандартному противопоставлению Зла как эгоизма и пренебрежения общим благом и Добра как самопожертвования [7, с. 70]. Терроризм – это брешь, через которую все наши ценности проваливаются в пустоту [2, с. 127].

У террористов есть веские основания активно использовать в своей деятельности современные технологии, в частности Интернет и социальные сети [34]. В последние годы социальные сети обретают огромную популярность среди населения, особенно среди молодежи. Современным террористам не нужно искать посредников, они могут выходить напрямую к

широкой аудитории. Социальные сети представляют собой удобные, бесплатные и надежные ресурсы, позволяющие не только обмениваться сообщениями с другими участниками террористических групп, но также получать и свободную информацию об изготовлении взрывных веществ [34]. Благодаря социальным сетям террористы могут выступать инициаторами в общении с возможными «призывниками», а не ждать заинтересованности с их стороны. Личная информация, которая содержится в открытом доступе, помогает участникам группировок производить вербовку, выявляя специфические черты каждого рекрутера. Широкое использование социальных сетей порождает новую форму современного терроризма, где исполнитель террористических атак не является полноправным членом организации. По мнению американского исследователя, подобные нападения «волков-одиночек» (lone wolf) являются самым быстрорастущим видом терроризма, особенно на Западе, где все недавние нападения были совершены людьми, которых вербовали и обучали в социальных сетях [Гам же]. На пространствах Интернета содержится много дополнительной информации об общественных местах, в том числе планировки торговых центров и крупных магазинов, что облегчает подготовку терактов [27]. Последние десятилетия характеризуются увеличением количества террористического насилия в общественных местах (теракты в метро, моллах, на концертных площадках и т. д.) [29]. Таким образом, в XXI веке именно Интернет с его возможностями становится наиболее мощным элементом «радикализации насилия».

Заключение

Событие, произошедшее 11 сентября 2001 года (атака террористов-смертников на Всемирный торговый центр США), стало отправной точкой для изучения терроризма во многих общественно-гуманитарных науках, особенно в философии. Жан Бодрийяр спустя некоторое время после атаки выпускает книгу под названием «Дух терроризма. Войны в заливе не было», которая открывает феномен терроризма не просто как ситуативное явление (здесь и сейчас), но и как определенное символическое событие, способное нанести удар по всей глобализации [1, с. 95]. Современная система, основанная на полной монополии глобальной власти (после прекращения холодной войны и распада СССР), концентрирует в себе техническое и инновационное развитие «при полном единомыслии и отсутствии инакомыслия». Эта система сама создает все необходимые условия для формирования такого феномена, как терроризм, прежде всего формирует главные звенья террористической цепи. Насилие в настоящее время активно используется в качестве продукта массовой культуры для получения прибыли, что создает благоприятную почву для насилия в

повседневной жизни [32]. Политические и идеологические мотивы, приписываемые современному террору, не в состоянии дать ответ на вопрос о природе терроризма, потому что он лежит совершенно в другой плоскости.

«Энергия, которая питает террор, не имеет строгой причины и не может быть понята в рамках какой-либо идеологии, даже исламистской» [1]. Изучая проблему терроризма, каждый исследователь рассматривает ее с точки зрения привычных (западных) категорий, рожденных еще эпохой Просвещения и Иммануилом Кантом. Формулируемые ими выводы, конечно, можно использовать для описания терроризма и дальнейшего формирования политико-правовых стандартов понимания этого феномена международными организациями. Но с их помощью невозможно создать эффективные методы борьбы с террористической деятельностью. Современный терроризм – это не столкновение цивилизаций или религиозных убеждений, несмотря на то что данная иллюзия тщательно поддерживается средствами массовой информации [Там же]. Терроризм – это столкновение глобализации с самой собой: насилие порождает насилие, манипуляция вызывает манипуляцию, страх становится причиной политики устрашения. Можно ли это назвать «четвертой мировой войной», следуя французскому философу, – вопрос дискуссионный. Но явно не войной в привычном для нас историческом понимании. Этика не может рассматривать проблему современного терроризма, потому что она выходит за ее рамки. Современный кинематограф, искусство и СМИ культивируют биполярность человеческого существования с позиций Добра и Зла. Именно этому миропониманию террористы бросают вызов, который нас пугает, вселяет в нас ужас перед ними. Современная западная система максимально стирает смерть из человеческой жизни. Данная тенденция наметилась еще в XVIII веке («просвещение отняло у человека смерть»). В теракте «все поставлено на смерть, причем не на грубое вторжение смерти в реальном времени и в прямом эфире, но на вторжение смерти более чем реальной, символической, жертвенной, то есть абсолютного и безапелляционного события» [Там же]. Это Жан Бодрийяр и называет духом терроризма.

В заключение подчеркну, что терроризм – это информационно-символическое насилие, единственное средство господства, которое не подвластно государственной системе из-за невозможности свободного пользования им. Насилие в современных западных государствах является скрытым и лежит в основе всего государственного аппарата. Все современные средства связи и последние достижения информационных технологий («средства господствующего могущества») свободно используются террористами. Роль, которую играют СМИ в террористической деятельности, носит двоякий характер: с одной стороны, СМИ транслиру-

ет сам акт, а с другой – средства массовой информации вместо события дают лишь образ этого события. Поэтому и нельзя найти единственный верный способ использования средств информации, они одновременно являются частью события и частью терроризма, действуя в обоих направлениях [Там же, с. 117].

Терроризм XXI века – это не просто явление, а *отдельное социальное пространство* со своей строгой структурой. Современный терроризм следует рассматривать как явление комплексное, содержащее в себе элементы насилия и его особой формы – манипулирования. Система массовой информации также часто становится важным звеном в террористической цепи. Необходимо подчеркнуть, что особенность *современного* терроризма заключается в том, что он постепенно становится медиапродуктом, который приносит огромную прибыль. Ни право, ни политология, ни психология, ни философия не смогут дать исчерпывающего анализа терроризма до тех пор, пока каждый из его элементов не будет рассматриваться относительно глобального контекста, в котором терроризм родился и существует до сих пор.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А.В. Качалова. – М.: РИПОЛ классик, 2016. – 224 с.
2. *Бодрийяр Ж.* Прозрачность Зла / пер. с фр. Л. Любарской, Е. Марковской. – М.: Добросвет, 2000. – 258 с.
3. *Варданянц Г.Ж.* Терроризм: диагностика и социальный контроль // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 78–83.
4. *Гутерреш А.* Пятый доклад Генерального секретаря об угрозе международному миру и безопасности, создаваемой ИГИЛ (ДАИШ), и о масштабах усилий ООН по оказанию государствам-членам поддержки в борьбе с этой угрозой (31 мая 2017 г.) [Электронный ресурс] // Контртеррористическое управление – целевая группа по осуществлению контртеррористических мероприятий. – URL: <https://undocs.org/ru/S/2017/467> (дата обращения: 02.04.2019).
5. *Гуторов В.А., Ширинянц А.А.* Терроризм как теоретическая и историческая проблема: некоторые аспекты интерпретации // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 3. – С. 30–54.
6. *Дугин А.Г.* Геополитика постмодерна. – СПб.: Амфора, 2007. – 382 с.
7. *Жижек С.* О насилии / пер. с англ.: А. Смирнов, Е. Лямина. – М.: Европа, 2010. – 184 с.
8. Современный толковый словарь русского языка / под ред. Т.Ф. Ефремовой [Электронный ресурс]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 02.04.2019).
9. *Иванов В.Н.* Феномен терроризма // Социологические исследования. – 2005. – № 7. – С. 63–71.

10. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху. – М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2015. – 413 с.
11. Контртеррористический центр ООН [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/uncst> (дата обращения: 02.04.2019).
12. *Королев А.А.* Террор и терроризм в психологическом и идеологическом измерении: история и современность. – М.: Московский гуманитарный университет, 2008. – 50 с.
13. *Месснер Е.Э.* Безграничный террор [Электронный ресурс] // Наши Вести. – 1972. – № 318. – С. 1–3. – URL: <http://nashi-vesti.narod.ru/messner318.html> (дата обращения: 02.04.2019).
14. *Мохаддам Ф.М.* Терроризм с точки зрения террористов: что они переживают и думают и почему обращаются к насилию / пер. с англ. В.А. Соснина. – М.: Форум, 2011. – 288 с.
15. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 02.04.2019).
16. *Ожиганов Э.Н.* Профиль терроризма: природа, цели и мотивация // Социологические исследования. – 2006. – № 2. – С. 52–57.
17. *Холмс Р.* Терроризм, жестокость и ненасилие // Метафизические исследования. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – Вып. 216: Этика: альманах Лаборатории метафизических исследований. – С. 349–369.
18. *Хофмайстер Х.* Воля к войне, или Бессилие политики. Философско-политический трактат / пер. с нем. О.А. Коваль. – СПб.: Гуманитарная академия, 2006. – 288 с.
19. *Щегловин Ю.Б.* Размышления о борьбе с терроризмом. – М.: Институт Ближнего Востока, 2015. – 227 с.
20. *Bastiani D.* Terrorismo e media. La comunicazione del terrore // Informazioni della difesa. – 2012. – N 2. – P. 36–43.
21. *Cooper B.* New political religions, or an analysis of modern terrorism. – Columbia: University of Missouri Press, 2004. – 254 p.
22. *Douglas R.* Law, liberty, and the pursuit of terrorism. – Ann Arbor, Michigan: The University of Michigan, 2014. – 320 p.
23. *Heinke E.-M.* Terrorismus und modern Kriegsführung. Politische Gewaltstrategien in Zeiten des “War on Terror”. – Wetzlar: Majuskel Medienproduktion GmbH, 2016. – 324 p.
24. *Jetter M.* Terrorism and the media. – Bonn: IZA, 2014. – 55 p. – (IZA Discussion Paper; N 8497).
25. *Lombardi M., Fonio Ch.* Terrorismo e comunicazione. Piste di ricerca e primi risultati [Electronic resource] // ITSTIME online: The Italian Team for Security, Terroristic Issues & Managing Emergencies. – URL: <http://www.itstime.it/w/wp-content/uploads/2014/07/Terrorismo-e-comunicazione.pdf> (accessed: 02.04.2019).
26. *Merleau-Ponty M.* Humanism and terror. – Boston: Beacon Press, 1969. – 238 p.
27. *Mirgani S.* Target markets – international terrorism meets global capitalism in the mall. – Bielefeld: Transcript-Verlag, 2017. – 198 p.

28. *Misiuk A., Dobrowolska-Opala M.* Terrorist threats and mass events // *Radicalism and Terrorism in the 21st Century: implications for Security* / eds.: A. Sroka, F. Castro-Rial Garrone, R.D. Torres Kumbrian. – Frankfurt am Main: Peter Lang AG, 2017. – P. 217–229.
29. *O'Brien P.* The Muslim question in Europe: political controversies and public philosophies. – Philadelphia, Pennsylvania: Temple University Press, 2016. – 307 p.
30. *Richardson L.* What terrorists want: understanding the enemy, containing the threat. – New York: Random House, 2007. – 312 p.
31. *Riegler Th.* Terrorismus: Akteure, Strukturen, Entwicklungslinien. – Wien: Studien Verlag, 2009. – 636 p.
32. *Peace and democratic society* / A. Sen, ed. – Cambridge: Open Book Publishers, 2011. – 155 p.
33. *Skoll G.* Social theory of fear. Terror, torture, and death in a post-capitalist world. – New York: St. Martin's Press, 2010. – 234 p.
34. *Weimann G.* New terrorism and new media. – Washington, DC: Commons Lab of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2014. – 17 p.

Статья поступила в редакцию 27.06.2018.

Статья прошла рецензирование 08.08.2018.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-310-329

TERRORISM OF THE XXI CENTURY: ACTUALIZATION OF THE PROBLEM IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

Bodrova Yuliya,

Postgraduate Student of the Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University,
20, K. Marx Ave., Novosibirsk, 630073, Russian Federation
czesar2010@yandex.ru

Abstract

The article considers the problem of modern terrorism, which has been attracting the attention of researchers for several decades. Despite the worldwide actualization of this issue, the number of terrorist attacks is becoming more and more every day. The failure of counter-terrorism activities rests, first of all, in misunderstanding of the essence of this social phenomenon. The usual estimation of different sorts of actions in terms of “good” or “bad” distracts researchers from understanding the deeper causes of the origin of this phenomenon. The author pays special attention to the fact that terrorism, in its basis, is a complex phenomenon, which includes the elements of other events close to it. The paper provides a comprehensive interdisciplinary analysis of terrorism, which allows to identify its various aspects as well as to show the interrelation between them (violence, fear, etc.). The author also draws an analogy between terrorism and such phenomena as terror, war and extremism. This interdisciplinary analysis allowed to expand the understanding of this “violence of the XXI century” without demonizing its main actors. The paper draws special attention to the problem of mutual influence of the mass media system and terrorist organizations. Is it possible for terrorism to exist outside the media? This issue affects a huge layer of modern problems: from the journalism ethics to the legitimacy of restrictions in the use of the Internet. The answers to these questions will help us to look at terrorism not just as a negative phenomenon of modernity, but as a self-regulating social symbolic space existing in the context of globalization.

Keywords: international terrorism, violence, mass media, globalization, extremism, antiterrorist activity.

Bibliographic description for citation:

Bodrova Y. Terrorism of the XXI century: actualization of the problem in the context of globalization. *Ideji i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 2, pp. 310–329. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-310-329.

References

1. Baudrillard J. *La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu. L'esprit du terrorisme. Power inferno* (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Dukh terrorizma. Voiny v zalive ne bylo*. Translated from French by A.V. Kachalov. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2016. 224 p.).

2. Baudrillard J. *La Transparence du Mal. Essai sur les phénomènes extrêmes*. Paris, Galilée, 1990 (Russ. ed.: Bodriyar Zh. *Prozrachnost' Zla*. Translated from French by L. Lyubarskaya, E. Markovskaya. Moscow, Dobrosvet Publ., 2000. 258 p.).

3. Vardanyants G.Zh. Terrorizm: diagnostika i sotsial'nyi kontrol' [Terrorism: diagnostic and social control]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2005, no. 7, pp. 78–83.

4. Guterresh A. *Pyatyi doklad General'nogo sekretarya ob ugroze mezhdunarodnomu miru i bezopasnosti, sozdavaemoi IGIL (DAISH), i o masshtabakh usilii OON po okazaniyu gosudarstvam-chlenam podderzhki v bor'be s etoi ugrozoi* [Fifth report of the Secretary-General on the threat posed by ISIL (Da'esh) to international peace and security and the range of United Nations efforts in support of Member States in countering the threat]. May 31, 2017. Available at: <https://undocs.org/ru/S/2017/467> (accessed 02.04.2019).

5. Gutorov V.A., Shirinyants A.A. Terrorizm kak teoreticheskaya i istoricheskaya problema: nekotorye aspekty interpretatsii [Terrorism as a theoretical and historical problem: some aspects of interpretation]. *Polis. Politicheskije issledovaniya – Polis. Political studies*, 2017, no. 3, pp. 30–54.

6. Dugin A.G. *Geopolitika postmoderna* [The geopolitics of postmodern]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2007. 382 p.

7. Žižek S. *On violence* (Russ. ed.: Zhizhek S. *O nasilii*. Translated from English by A. Smirnov, E. Lyamina. Moscow, Evropa Publ., 2010. 184 p.).

8. Efremova T.F., ed. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Modern dictionary of Russian language]. Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (accessed 02.04.2019).

9. Ivanov V.N. Fenomen terrorizma [The phenomenon of terrorism]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2005, no. 7, pp. 63–71.

10. Kaldor M. *New and old wars: organized violence in a global era*. 3rd ed. Stanford, Stanford University Press, 2012 (Russ. ed.: Kaldor M. *Novye i starye voyny: organizovannoe nasilie v global'nyu epokhu*. Translated from English by A. Appolonov. Moscow, Institut Gaidara Publ., 2015. 413 p.).

11. *Kontrterroristicheskiy tsentr OON* [United Nations Office of Counter-Terrorism]. Available at: <https://www.un.org/counterterrorism/ctitf/ru/uncct> (accessed: 02.04.2019).

12. Korolev A.A. Terror i terrorizm v psikhologicheskom i ideologicheskom izmenenii: istoriya i sovremennost' [Terror and terrorism in the psychological and ideological dimension: history and modernity]. Moscow, Moskovskii gumanitarnyi universitet Publ., 2008. 50 p.

13. Messner E.E. Bezgranichniy terror [Unlimited terror]. *Nashi Vesti*, 1972, no. 318, pp. 1–3. Available at: <http://nashi-vesti.narod.ru/messner318.html> (accessed: 02.04.2019).

14. Moghaddam F.M. *From the terrorists' point of view: what they experience and why they come to destroy* (Russ. ed.: Mokhaddam F.M. *Terrorizm s točki zreniya terroristov: chto oni perezhivayut i dumayut i pochemu obrashchayutsya k nasiliyu*. Translated from English by Sosnin V.A. Moscow, Forum Publ., 2011. 288 p.).

15. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Russian explanatory dictionary]. Available at: <http://slovarozhegova.ru/> (accessed: 02.04.2019).
16. Ozhiganov E.N. Profil' terrorizma: priroda, tseli i motivatsiya [The profile of terrorism: nature, goals and motivation]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 2006, no. 2, pp. 52–57.
17. Holmes R.L. 'Terrorizm, zhestokost' i nenasilie [Terrorism, violence, and non-violence. The Ethics of Nonviolence]. *Metafizicheskie issledovaniya*. Vyp. 216: *Etika: al'manakh Laboratorii metafizicheskikh issledovaniy* [Metaphysical studies. Iss. 216: Ethics: almanac of the Laboratory of metaphysical studies]. St. Petersburg, SPU Publ., 2005, pp. 349–369.
18. Hofmeister H. *Der Wille zum Krieg oder Die Ohnmacht der Politik. Ein philosophisch-politischer Traktat*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2001 (Russ. ed.: Khofmaister Kh. *Volya k voine, ili Bessilie politiki. Filosofsko-politicheskii traktat*. Translated from German O.A. Koval'. St. Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2006. 288 p.).
19. Shcheglov Yu.B. *Razmysleniya o bor'be s terrorizmom* [Reflections on the fight against terrorism]. Moscow, Institut Blizhnego Vostoka Publ., 2015. 227 p.
20. Bastiani D. Terrorismo e media. La comunicazione del terrore. *Informazioni della difesa*, 2012, no. 2, pp. 36–43.
21. Cooper B. *New political religions, or an analysis of modern terrorism*. Columbia, University of Missouri Press, 2004. 254 p.
22. Douglas R. *Law, liberty, and the pursuit of terrorism*. Ann Arbor, Michigan, The University of Michigan Press, 2014. 320 p.
23. Heinke E.-M. *Terrorismus und modern Kriegsführung. Politische Gewaltstrategien in Zeiten des „War on Terror“*. Wetzlar, Majuskel Medienproduktion GmbH, 2016. 324 p.
24. Jetter M. *Terrorism and the media. IZA Discussion Paper*. N 8497. Bonn, IZA, 2014. 55 p.
25. Lombardi M., Fonio Ch. *Terrorismo e comunicazione. Piste di ricerca e primi risultati*. ITSTIME online: The Italian Team for Security, Terroristic Issues & Managing Emergencies. Available at: <http://www.itstime.it/w/wp-content/uploads/2014/07/Terrorismo-e-comunicazione.pdf> (accessed 02.04.2019).
26. Merleau-Ponty M. *Humanism and Terror*. Boston, Beacon Press, 1969. 238 p.
27. Mirgani S. *Target Markets – International Terrorism meets Global Capitalism in the Mall*. Bielefeld, Transcript-Verlag, 2017. 198 p.
28. Misiuk A., Dobrowolska-Opala M. Terrorist threats and mass events. *Radicalism and Terrorism in the 21st Century: implications for Security*. Eds.: A. Sroka, F. Castro-Rial Garone, R.D. Torres Kumbrián. Frankfurt am Main, Peter Lang AG, 2017, pp. 217–229.
29. O'Brien P. *The Muslim question in Europe: political controversies and public philosophies*. Philadelphia, Pennsylvania, Temple University Press, 2016. 307 p.
30. Richardson L. *What terrorists want: understanding the enemy, containing the threat*. New York, Random House, 2007. 312 p.
31. Riegler Th. *Terrorismus: Akteure, Strukturen, Entwicklungslinien*. Wien, Studien Verlag, 2009. 636 p.

32. Sen A., ed. *Peace and Democratic Society*. Cambridge, Open Book Publishers, 2011. 155 p.
33. Skoll G. *Social theory of fear. Terror, torture, and death in a post-capitalist world*. New York, St. Martin's Press, 2010. 234 p.
34. Weimann G. *New terrorism and new media*. Washington, DC, Commons Lab of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, 2014. 17 p.

The article was received on 27.06.2018.

The article was reviewed on 08.08.2018.